

1 стр. ПЕРЕДОВАЯ. О дисциплине писательского труда.
П. ЧАГИН. На новом пути. Е. САД. Творческий год.
А. МАЛИНИН. Литературный музей Северной Осетии.
ИНФОРМАЦИЯ.
2 стр. Б. С. ЕМЕЛЬЯНОВ. Натурализм и романтика.
М. ЖИВОВ. «Огни на болотах». Анри БАРБЮС. Письма
к жене.
3 стр. В. ЕРМИЛОВ. Традиция и новаторство. Арк. ГАЙ-
ДАР. «Тимур и его команда». Констант. КУНИН. «Грозные
силы».

4 стр. А. ГУРШТЕЙН. Беглые заметки о С. Галкине.
Сергей ГОРОДЕЦКИЙ. Посидим в тишине? К. ЧУКОВ-
СКИЙ. Л. Толстой об Уолте Уитмане. ИНФОРМАЦИЯ.
5 стр. А. РОСКИН. «Зеленый фурун». В. ПОТАПОВ.
Робкий смех. ИНФОРМАЦИЯ. Накануне нового театраль-
ного сезона.
6 стр. С. ГЕХТ. Колец шмекери. Б. БАСС. За подлин-
ный трудовой режим. В. НАГЕЛЬ. Автор «Дубиняшки».
И. БУКМАН. Библиотека Батенкова. ИНФОРМАЦИЯ.

О ДИСЦИПЛИНЕ ПИСАТЕЛЬСКОГО ТРУДА

На первый взгляд кажется невозможным прямо и непосредственно применить мероприятия по укреплению трудовой дисциплины, осуществляемые сейчас во всей стране, к писательскому труду, потому что, во-первых, рабочий день писателя не нормирован, во-вторых, количество испи-санных страниц не всегда определяет их качество (хотя мы вправе судить о писателях и по количеству написанного) и, в-третьих, оценка самого качества читателем происходит очень медленно, и совершенно невозможно сказать, что за последний месяц такой-то писатель работал хорошо, а такой-то плохо и что таково-то нужно похвалить, а таково-то подлунать. Все это совершенно очевидно. И тем не менее Указ Президиума Верховного Совета СССР касается и нас, писателей. И очень глубоко касается.

Мы часто и много говорим о наших «болах». Бывало, годами мы возмоз с одним и теми же так называемыми «большими вопросами» нашей литературной жизни и никак не можем с ними покончить.

В творческой писательской среде, гелогощей свое важное, ответственное дело, преобладают довольно большие количества самых настоящих и отъявленных лодырей, которые, будучи членами союза писателей и пользуясь связями с этим блгами, живут и поживают, не принося ни государства, ни обществу никакой пользы.

Есть явные и очевидные бражники, с которыми беспрерывно возятся и посягают, хотя для оценки качества их «продукции» достаточно буквально пяти минут. Эти бражники живут и процветают в системе советских писателей и, естественно, никуда от этой системы уходить не хотят.

Многие молодые люди слишком рано профессионализируются. Написав одно-два неурных произведения, они бросают свою профессию (если она у них была) и с удивительной поспешностью объявляют себя профессиональными писателями.

Своими крупнейшими писателями прошлого, прежде чем профессионализоваться, совмещали труд литератора с другими профессиями и занятиями. Вспомним такие имена, как Мопассан, Грибоедов, Островский, Сервантес, Лопе де Вега, Салтыков-Щедрин! Многие из них до конца своей жизни, будучи литераторами, и то же время занимались и другой разносторонней деятельностью. И это не только не мешало их творчеству, но и помогало.

Это органически связывало их со средой, давало им огромный материал для наблюдений и самых широких обобщений. У нас же масса товарищей не хочет об этом помнить. И получается, что из таких преждевременных профессионализованных людей вырастают неудачники, озлобленные «спиритизм», завистливые, убившие самих себя, что славы и материальных благ надо добиваться не тяжким, упорным писательским трудом, а хитростями, знакомствами, телефонными звонками. Свои успехи они объясняют не собственным творческим бесстрашием, неуменем или недостаточной работоспособностью, а разносторонним читателя. «Итриграммы» или неспешным критикой. Они не хотят (а может быть, уже и не могут) трезво посмотреть в глаза, нестерпеть быть пахлятиками у государства и заниматься каким-нибудь другим трудом, полезным родню. А союз писателей никак не может помочь таким товарищам найти путь в жизни. Ведь в тысячу раз честнее для здорового, бодрого человека работать на заводе или в учреждении, чем бегать в Литфонд за помощью.

Нужны решительные меры со стороны союза, парторганизации и Литфонда, чтобы покончить с пакостями и подкармливанием лодырей и бражников, людей здоровых и работоспособных. Нужно довести до сознания каждого литератора, что Литфонд может быть лишь подспорьем для

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПАМЯТНИКА В. В. МАЯКОВСКОМУ

В связи с начавшимся проектированием памятника В. Маяковскому для установки на площади его имени в Москве, 27 августа в Центральном доме работников искусств состоялся творческая встреча художников, архитекторов и писателей.

Н. Асеев выступил на вечере с докладом об образе В. Маяковского. Начальник управления проектирования Мосгорисполкома архитектор Д. Чечулин сделал доклад на тему об архитектурном ансамбле площади Маяковского. После доклада состоялся обмен мнениями.

Писатель — мэр города Гаванны

Во время последних выборов в Кубе (Центральная Америка) мэром города Гаванны был избран кандидат «Революционного союза» и коммунистической партии Хуан Маринелло.

Хуан Маринелло — кубинский писатель и литератор, член бюро Международной ассоциации в защиту культуры, широко известный не только в Кубе, но и на континенте; он был генеральным секретарем партии «Революционный союз» и в течение четырех лет преподавал литературу в педагогическом институте. Революционеры потребовали его увольнения из института за слишком левые взгляды и боевую политическую деятельность. В 1939 г. Маринелло снова был приглашен в педагогический институт. По этому случаю прогрессивная общественность города устроила в честь Маринелло банкет, носивший характер политической демонстрации.

О популярности нового мэра Гаванны можно судить по сообщениям кубинской прессы. Предвыборный митинг в честь Хуана Маринелло был самым многочисленным, самым большим политическим актом, когда-либо организованным трудящимися Гаванны.

Юбилей Хачатура Абовяна

В связи с 130-летием со дня рождения основоположника новой армянской литературы, великого просветителя Хачатура Абовяна, которое будет отмечаться в начале 1941 г., образован юбилейный комитет в составе 20 человек.

На днях состоялось первое заседание юбилейного комитета, где рассматривался план чествования Абовяна.

Решено в дни юбилея в Ереване создать научную секцию Армянского филиала Академии наук СССР, посвященную жизни и деятельности Х. Абовяна. Армянсоветдат к юбилею закончит издание полного собрания сочинений великого писателя.

В Ереванском литературном музее открыта выставка творчества писателя. Состоится пленарное заседание союза советских писателей Армении с участием представителей литературной общественности братских республик.

ТВОРЧЕСКИЙ ГОД

Газета «Литература и искусство» провела встречу среди белорусских, еврейских и польских писателей западных областей БССР с вопросом — с чем вы встречаете первую годовщину воссоединения белорусского народа? Ответы на этот вопрос знаменательны и характерны. Они демонстрируют творческие успехи писателей освобожденной Западной Белоруссии.

Особый интерес представляет ответ поэта Максима Танка. Ток. Танк в течение года активно сотрудничал в вильейской областной газете «Сельская правда». Стихи о Красной Армии, о свободной жизни на родной земле, которые он опубликовал в газете, могут составить некий сборник, написанный в первый год советской жизни. Кроме того, Танк опубликовал большую поэму об озере Нароч. В 1935 г. польские власти запретили крестьянам-беднякам ловить рыбу в озере Нароч, и это привело к серьезным крестьянским выступлениям. Один из участников революционной борьбы, рыбак Субат, был арестован, но под давлением революционных масс затем освобожден. Об этом и рассказывает поэт. На эту же тему М. Танк написал сейчас сценарий «Бура на Нароч» и передал его для постановки жинской драматической «Советская Белоруссия». М. Танк подготовил первое советское издание своих стихов, и для этой цели ему приходится продолжать сейчас большую кропотливую работу по восста-

новлению текстов стихов, запрещавшихся белорусской цензурой.

Молодые писатели М. Засин и А. Иверс заглазились на месячных курсах-конференции в Минске при правлении союза писателей Белоруссии. Сейчас они готовят первые советские издания своих стихов.

Польская детская писательница Янина Броневская говорит: «В своей книге «История точенного дела и нарпованной бабки» я хочу рассказать о новой жизни, которая началась для меня после 17 сентября 1939 г. Это будет моя первая радостная книга».

«История точенного дела и нарпованной бабки» является продолжением книги писательницы «Путешествие мелкого грошика». Но в новой книге Броневская по-новому решает судьбу своих героев. В новых, советских условиях дети обретают возможность учиться в советской школе и проявлять свои творческие способности.

Польская писательница Е. Сельм пишет повесть «Ты, я и весь мир». Еврейский поэт И. Инесович встречает первую годовщину поэмой о Красной Армии.

В честь предстоящей годовщины в Минске, Белостоке и других городах по-готовляются большие литературные вечера при активном участии поэтов, прозаиков и критиков западных областей республики.

АНРИ БАРБЮС К пятилетию со дня смерти.

А. Барбюс в переводах на языки народов СССР

Анри Барбюс искренне любил народами нашей необъятной страны. Любил как человек, как революционер, как писатель. Но сведения, которыми располагает Государственная публичная библиотека в Ленинграде, произведения А. Барбюса переведены в СССР, кроме русского, на азербайджанский, армянский, белорусский, грузинский, еврейский, казахский, ком-зырянский, монгольский, татарский, туркменский, узбекский и украинский языки.

На русском языке, начиная с 1919 г., вышло 52 книги А. Барбюса, в том числе: «Огонь» в 11 изданиях, «Сталин» в 7 изданиях, «Правдивые повести», «Речи бора», «Палач», «Звезда».

На украинском языке вышли: «Огонь», «Правдивые повести», «Я обвиняю», сборник рассказов «Война и бог», «Жан, который плачет и Жан, который смеется», «Кровяной источник», «Вотуар».

На белорусском языке издана «Россия», книга, которая в русском переводе не вышла.

На грузинском языке напечатаны: «Огонь», «Непреложные», «Мелкие рассказы», «Я обвиняю». На азербайджанском языке: «Огонь», «Правдивые повести». На армянском: «Палач», «Я обвиняю». На узбекском: «Огонь», «Сталин» (глава «Гитант»). На еврейском: «Чужие и свои», «50 олов», «На татарском: «Лично к лицу». На казахском: «Я обвиняю». На туркменском: «Огонь». На коми-зырянском: «На первоначальном пункте» (глава из романа «Огонь»).

Мы ограничимся здесь перечислением только отдельных изданий, имеющих в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде. Но если взять всю массу многоязычного прессы, журналы и газеты наших братских народов, то там можно найти огромное количество как произведений самого Барбюса, так и различных материалов о писателе-революционере.

Вечера памяти Важа Пшавела

ТБИЛИСИ. (От наш. корр.). Литературная общественность Грузии торжественно отметила 25-летнюю годовщину со дня смерти великого грузинского поэта Важа Пшавела. В клубе писателей состоялся большой вечер. После вступительного слова секретаря президиума ССН Грузии И. Абашидзе доклад о творчестве Важа Пшавела сделал поэт Симон Чиковани. С речами выступили литераторы проф. К. Капанели и критик Ив. Дулукидзе.

Второе отделение вечера было посвящено выступлению поэтов и переводчиков.

В Пшавском уезде, в родном селе Важа Пшавела — Чаргали, у юмича поэта, состоялся большой митинг. На митинг пришли все волостники окрестных деревень, а также из Тбилисского и Телавского уездов. На митинге присутствовали и представители Грузии. Вечером в Чаргали, в доме Важа Пшавела, состоялся банкет. Вечером в Чаргали, в доме Важа Пшавела, состоялся банкет. Вечером в Чаргали, в доме Важа Пшавела, состоялся банкет.

Новые рукописи Алишера Навои

Комитет по проведению 500-летнего юбилея со дня рождения первоначального узбекского литератора Алишера Навои приобрел много рукописей произведений великого писателя, документов о нем и эпохе, в которой он жил.

В хранилище Ташкентской публичной библиотеки недавно найдены рукописи «Хамса» содержащая в себе пять поэм Навои: «Упование благочестивых», «Лейли и Меджнун», «Фархад и Ширин», «Семь планет» и «Александрова стена». Эта книга, переписанная 466 лет назад еще при жизни Навои, является самым древним экземпляром капитального произведения великого узбекского поэта.

В Фергане найдена уникальная рукопись «Хамса», иллюстрированная 30 прекрасными исполненными многокрасочными миниатюрами неизвестного художника. Среди миниатюр, иллюстрирующих поэму «Фархад и Ширин», особенно выделяется «Фархад прокладывает канал» и «Канал проглот Фархадом».

Не меньшую ценность представляет первый сборник стихов Алишера Навои — «Чулука детства». Рукопись приобретена у одной из жительниц Ташкента. Титульные листы ее украшены золотым народным орнаментом изумительно тонкой работы. По определению специалистов, рукопись имеет не менее чем 450-летнюю давность.

Приобретенные рукописи и документы помогут восстановить подлинность текстов произведений Алишера Навои.

Литературный музей Северной Осетии

В г. Орджоникидзе открылся республиканский музей осетинской литературы имени Коста Хетагурова. Возникшая на базе много лет существовавшей выставки о жизни и деятельности Коста, музей является крупным и радостным достижением в культурной жизни Осетии.

В большом светлом помещении бывшей церкви расположено многочисленные экспонаты, рисующие рост и развитие осетинской литературы и осетинской письменности на протяжении почти целого столетия. От первых церковных книг на осетинском языке, появившихся в середине XIX века, и первых записей народного творчества, сделанных акад. Шагеном, до произведений современных осетинских писателей — такой охват материала музея.

Центральное место в экспозиции музея занимает творчество Коста Хетагурова. Здесь посетитель знакомится с документальными материалами со всей разносторонней деятельностью основоположника осетинской литературы. В витринах — многочисленные автографы поэтических произведений Коста, издания его сочинений, в том числе и такие редкие книги, как сборник «Стихотворения», вышедший в 1895 году, первое издание «Прон Фандыр» (1899 г.) и сборник о Коста Хетагурове, выпущенный в 1909 году Лео Дасоховым. Довольно полно показан Коста как художник, причем, помимо общезвестных его картин «Амеломошник», «Горняк и ледяной дождь» и других выставлены и не-

которые работы Коста, в том числе исключительного мастерства авторитет художника и интересней портрет А. А. Даликовой. Значительно слабее показана публицистическая деятельность Хетагурова, а также его драматургия. Большой материал дан о всемирно известном произведении 60-летия со дня рождения Коста.

Однако в музее не все еще доведено до конца, и некоторые его отдели нуждаются в серьезной доработке.

Основной недостаток музея заключается в том, что в нем подробно представлены лишь Коста. Огромное значение деятельности Коста Хетагурова не должно заслонять собой творческую работу других осетинских писателей. Музей обязан показать также жизнь и творчество как современных Коста, так и писателей последующих поколений. Между тем в экспозиции музея даже такие замечательные художники, слова, как Елизаветы Бритаевы, Цомик Галчев, первая осетинская женщина-писательница Роза Коичева, представлены лишь портретами. Почти нет материалов о современном Коста поэт Владо Гурджибеков и первом биографу Коста и публицисте Лео Дасоховым. Совсем обделен мочением такой интересной поэт и своеобразный публицист, как Георгий Цаголов.

Слабо показана в музее и современная литература Северной Осетии, литература же Южной Осетии не показана совершенно.

А. МАЛИНИН

П. ЧАГИН

Общезвестно, какой громадный спрос предъявляет наша страна на художественную литературу. Но в настоящее время художественная книга не только не ходит до широкого книжного рынка, то есть до многомиллионного партийного и советского актива, но и до школы и библиотеки. Хуже всего, что дефицит в издании художественной литературы в значительной мере связан с определением противоречивыми чертами, которыми до последнего времени характеризовалась работа Гослитиздата. Черты эти вытекают и осуждены в решениях ЦК ВКП(б) о тематическом плане Гослитиздата на 1940 год.

Гослитиздат в своей издательской практике недостаточно руководился государственными, общепартийными интересами. Предоставленные в его распоряжение бюджетные фонды он не концентрировал для издания, имеющих наибольшую общекультурную ценность, а «размазывал» на большое количество объектов. Тиражи дробились, точно с преднамерением сделать художественную книгу редкостью и дорогостоящим библиофилом.

Создавался впечатление благополучия: много вышедших книг — 500—600 названий ежегодно, большое число удовлетворенных писателей, узнавших свои произведения в отдельном издании. Но реальный эффект этой близкой политике в общесоюзном и общекультурном отношении был ничтожен.

Материальные по масштабам нашей гигантской страны пятилетние и десятилетние тиражи составляли каплю в море непрерывно растущего читательского спроса.

Да и удовлетворение, получаемое писателями, было иллюзорным. Кто из писателей при этом условии мог считать, что его книга дошла до широкого читательского масс и ими апробирована?

Система мелких уравнилельных тиражей обезличивала книгу и пенную книгу и создавала иллюзию для плохих авторов и книг.

Любопытная деталь: только в последние два года в издательском плане Гослитиздата заперечены такие разделы, как «дешевая библиотека» и «массовые издания». Но эти разделы были отнюдь не главными в плане, уводящий нас их был ничтожен. Они, как фиговый листок, стыдливо при-

НА НОВОМ ПУТИ

крывали отсутствие действительной заботы о массовой и дешевой художественной книге.

В решениях ЦК ВКП(б) подчеркивается государственная ответственность Гослитиздата за удовлетворение спроса школ, библиотек и культурного актива страны на художественную литературу. Минимальным для основных изданий Гослитиздата отныне становится пятидесятиязычный тираж. Исключение из этого правила может допускаться для литературоведческих работ, имеющих в виду более узкого потребителя, некоторых произведений современной литературы, не печатавшихся ранее, и впервые появляющихся на русском языке переводов произведений современной литературы братских народов СССР.

Резкое увеличение тиражей выходящей в Гослитиздате литературы — отнюдь не вопрос издательской техники. С этим связан принципиально новый курс, проиниципированный решениями ЦК ВКП(б). Этот курс обязывает Гослитиздат извлекать, главным образом, классическую литературу и лучшие, выдержавшие общественную проверку, произведения современной советской и иностранной литературы. Что же касается художественных произведений меньшего общественного значения и интереса для не вполне зрелых произведений начинающих авторов, то перед ними открыта путь в художественные журналы или в издательство «Советский писатель».

Плановое начало в Гослитиздате до сих пор проявлялось очень слабо и этим издание художественной литературы представляло странное сочетание из всей системы нашего государственного хозяйства. Намы строились в Гослитиздате уморительные, на глаз, при составлении их руководствовались произвольными данными, случайными редакторами к тем или иным классикам и современным авторам и волевым творческим заявками.

Апофеозом системы планирования в зависимости от «творческих заявок» был развалившийся Гослитиздат в конце 1938 года циркуляр «Всем, всем, всем» писателям с предложением прислать свои заявки для включения в план 1939 года.

Система эта утверждалась безответственностью и привносила в дезорганизацию писательского труда. Вся работа Гослитиздата должна быть впредь пронизана государственным плановым началом, начиная с со-

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ УССР

ВИБВ, 24 августа, (ТАСС). Вчера состоялось очередное заседание президиума Союза советских писателей Украины.

В январе 1941 года исполняется 50 лет со дня рождения и 30 лет литературной деятельности поэта-орденоносца академика Павла Григорьевича Тычины. Президиум создал юбилейную комиссию для проведения юбилея М. Балабухи.

На заседании приняты в члены Союза советских писателей Украины известная писательница Ольга Кобылянская, проживающая в Северной Буковине.

А. МАЛИНИН

ВИБВ, 24 августа, (ТАСС). Вчера состоялось очередное заседание президиума Союза советских писателей Украины.

В январе 1941 года исполняется 50 лет со дня рождения и 30 лет литературной деятельности поэта-орденоносца академика Павла Григорьевича Тычины. Президиум создал юбилейную комиссию для проведения юбилея М. Балабухи.

На заседании приняты в члены Союза советских писателей Украины известная писательница Ольга Кобылянская, проживающая в Северной Буковине.

«Тимур и его команда»

Глава «Совет штаба комманды» из новой повести Арк. Гайдара «Тимур и его команда». В этой повести рассказывается о том, как во главе командой бронированной Женя Александрова пошла в среду ребят-школьников, которые организовались в особую команду и тайно охраняют семья бойцов и командиров, ушедших на фронт.

В Госпитальнате готовятся к печати книга Константина Фадина «Маленькие романы». Иллюстрации к книге художника В. Бехтова.

Выбравшись на лужайку, перед старым двухэтажным сараем, Женя вынула из кармана рогатку и, потянув резинку, запустила в небо маленького резинового парашютиста.

Взлетев вверх ногами, парашютист перевернулся. Над ним раскрылся голубой бумажный купол, но тут крепче резал ветер, парашютиста поволокло в сторону, и он пошел за темными, чердачными окнами сарая.

Авария! Картонного человека надо было вырывать. Женя обшла сарай, через дырявую крышу которого разбегались во все стороны тонкие веревочные провода. Она потащила к омуту тухлятую лестницу, и, вооружившись, спрыгнула на пол чердака.

Очень странно! Этот чердак был обитаем. На стене висели мотки веревки, фонарь, два скрепленных сигнальных флага и карта этого поселка, вся исчерканная непонятными знаками.

В углу лежала покрытая мешковатой охапкой соломы. Тут же стоял перевернутый фанерный ящик.

Возле дырявой, захмелевшей крыши торчало большое — похуже на шустрейшее — колесо. Над колесом висел небольшой самодельный телефон.

Женя взглянула через щель. Перед ней, как волны моря, колыхалась листва густых садов. В небо играли голуби.

И тогда Женя решила: пусть голуби будут — чайками, этот старый сарай с его веревками, фонарями и флагами — большим кораблем. Она же сама будет — капитаном.

Ей стало весело. Она повернула штурвалное колесо. Тугие веревочные провода заржали, загудели. Ветер зашумел и погнал зеленые волны. А ей показалось, что это ее корабль — сарай медленно и спокойно по волнам разворачивается.

— Лето руля на борту! — громко скандовала тогда Женя и крепче налегла на тяжелое колесо.

Прорывавшись через щели крыши, узкие прямые лучи солнца упирались в ядро и палубу. Но она поняла, что эти неприятели суда нацеливают ее своими прожекторами, и решила дать им бой.

С силой ухватила она скрипящий колесо, маневрируя вправо и влево и властно выкрикивая слова команды.

Но вот острые прямые лучи прожекторов поблекли, погасли, и это, конечно, не солнце зашло за тучу. Это разгромленная вражья эскадра шла ко луку.

Бой был окончен. Пыльной ладонью Женя вытерла лоб, и вдруг на стене задребезжал звонок телефона. Этого Женя не ожидала, она лумала, что этот телефон — просто игрушка. Ей стало все по себе. Она сняла трубку.

Голос звонкий и резкий спрашивал: — Алло! Алло! Отвечайте. Какой осел обрывает провода и подают сигналы, глупые и непонятные?

— Это не осел, — пробормотала озабоченная Женя. — Это я — Женя!

— Сумасшедшая девчонка! — резко и почти поуганно прокричал тот же голос. — Оставьте штурвалное колесо и бегите прочь. Сейчас примчится народ... люди, и они тебя поволокут.

Женя бросила трубку, но было уже поздно. Вот на свету окна показались чья-то голова — это был Геяка, за ним Сима Смаков, Коля Колокольчиков, а вслед за ними еще и еще люди.

— Кто вы такие? — отступая от окна, в страхе спросила Женя. — Уходите... это наш сад. Я вас сюда не звала.

Но плечо к плечу плотной стеной ребята молча шли на Женю. И, оступившись прижатой к углу, Женя вскрикнула.

В то же мгновение на просвете мелькнула еще одна тень, наступившие обступились и расступились. И через Женю встал высокий темноволосый мальчуган в синей безрукавке, на груди которой была вышита красная звезда.

— Тиме, Женя! — громко сказал он. — Кричать не надо. Никто тебя не тронет. Мы с тобой знакомы. Я — Тимур.

— Ты Тимур? — широко раскрывшаяся полнота слез глаза, подворочившись, воскликнула Женя. — Это ты укрыв меня ночью простыней. Ты оставил мне на столе записку. Ты отправил пале на фронт телеграмму, а мне прислал ключ и квитанцию. Но зачем? За что? Откуда ты меня знаешь?

Тогда он пошел к ней, взял ее за руку и просто ответил: — А вот оставил сейчас с нами. Сиди, слушай, и тогда тебе все будет понятно.

На покрытой мешками соломе, вокруг Тимура, который разложил перед собой карту поселка, расположились ребята.

У открытого, выше служебного окна, повис на веревочных качелях наблюдатель. Через его шею был перекинут шнурок с помпонами театральным бифоксом.

Неподалеку от Тимура сидела Женя и внимательно прислушивалась в приглушенном свете, что происходит на совещании этого, никому не известного штаба.

Говорил Тимур: — Завтра на рассвете, пока люди спят, и Колокольчиков исправим обрванную его (он показал на Женю) провода.

— Он пропустит, — хмуро оставил безоговорочно, ослепленный тенью тельняшки Геяка. — Он проснется только к завтраку и к обеду.

— Блеветает! — вскакивая и заикаясь вскричал Коля Колокольчиков. — Я встаю вместе с первым лучом солнца.

— Я не знаю, какой у солнца луч первый, какой второй. Но он пропустит обязательно, — упрямо продолжал Геяка.

Тут болтавшийся на веревках наблюдатель свистнул. Ребята повскакали и бросились к щелям крыши.

По дороге в клубы пыли мчался артиллерийский дивизион. Могучие, ослепленные в ремни и железно кони быстро волокли за собою зеленые зарядные ящики и укрытые серыми чехлами пушки.

Обстрельные, загорелые ездовые, не выжидая в седле, лихо заворачивали за угол. И одна за другой батареи скрывались в роще. Дивизион учался.

— Это они на воцал на погрузку поехали, — важно объяснил Коля Колокольчиков. — И по их обмундированию видно: когда они скачут на учение, когда на парад, а когда и еще куда.

— Видишь, и молчи! — остановил его Геяка. — Мы и сами с глазами. Ты знаешь, ребята, этот болтун хочет убежать в Красную Армию.

— Нельзя! — вмешался Тимур. — Эта затея совсем пустая.

— Как нельзя! — покраснев, спросил Коля. — А почему же раньше мальчишки всегда на фронт бегали?

— То раньше! А теперь крепко накрепко всем начальникам и командирам приказано гнать оттуда нашего брата по шею.

— Как по шею? — вспыхнул и еще больше покраснев, вскричал Коля Колокольчиков. — Это... своих-то?

— Да вот! — и Тимур выдохнул. — Это... своих-то. А теперь — давайте к делу.

Все расселись по местам. В саду дома № 34 по Кривоному переулку неизвестные мальчишки обрылись яблоком. — Обязательно сообщил Коля Колокольчиков. — Они сломали две ветки и помчали к клубу.

— Чей дом? — и Тимур взглянул в клеветную тетрадь. — Дом красноармейца Крюкова. Кто у нас здесь бывший специалист по чужим садам и яблокам?

— Я, — раздался скофуженный голос. — Кто это мог сделать?

— Это работал Мишка Квасин в его помощник под названием «Фигура». Ябло-

ны мичуринка, сорт «золотой налив», и, конечно, взята на выбор.

— Опять и опять Квасин, — Тимур задумался. — Геяка! У тебя с ним разговор был?

— Был. — Ну и что же? — Да ему два раза по шею. — А он? — Ну и он супун мне два раза да тоже.

— Эх у тебя все: ты «стукнул», он «супнул», а толку пока нету... Ладно! С Квасиным мы займемся особо. Давайте дальше.

— В доме № 26 у старухи молочницы взяли в кавалерию сына, — сообщили из угла кто-то.

— Вот хватил! — и Тимур укоризненно качнул головой. — Да там на воротах еще третьего дня наш знак поставлен. А кто ставил? Колокольчиков, ты?

— Да! — Так почему же у тебя верхний левый луч звезды кривой, как пивка? Взглянь, сделать, — сделай хорошо. Люди пройдут, — смеяться будут... Давайте дальше.

Вечерки Сима Смаков и зачастил уверенно, без заиканья. — В доме № 54 по Пушкинскому углу коза пропала. Я иду, вижу, старуха девчонку колотит. Я кричу: «Тетенка, бить не по закону». Она плюнула, девчонка — бежать. Я спрашиваю: «Ты за что?» Она говорит: «Коза пропала». «Ах, буй ты проклята. Да куда же она пропала?» «А вот там в овраге за перелеском, обрылась мочалю и провалилась, как будто бы ее волки съели!»

— Погоди! Чей дом? — Дом красноармейца Павла Гурьева. Девчонка — его дочь — зовут Юлька. Колотила ее бабка. Как зовут, не знаю. Коза серая, со спины черная. Зовут Манька.

— Козу разсыкать! — приказал Тимур. — Поидет команда в четыре человека. Ты... ты и ты. Ну, все, ребята?

— В доме № 22 девчонка плачет, — как бы нехотя сообщил Геяка.

— Что же она плачет? — Спрашивал, — не говорит. — А ты бы спросил поучнее. Может быть кто-нибудь ее поколоти... обидел. — Спрашивал, — не говорит.

— А велика ли девчонка? — Четыре года. — Вот еще беда. Кабы человек... а то четыре года. Поосты, а чей это дом? — Дом лейтенанта Павлова. Тога, что недавно убили на границе.

— Спрашивал, — не говорит, — откровенно передразнивал Геяку Тимур. Он намурылся, похмурил и предупредил: — Ладно... Это я сам. Вы к этому делу не касайтесь.

— На горизонте показался Мишка Квасин, — громко доложил наблюдатель. — Идет по той стороне улицы. Жрет яблоко. Тимур! Выслать команду: пусть дадут ему тычка или зашепнут!

— Не надо! Все оставьте за мечами. Я вернусь скоро.

Он прыгнул из окна на лестницу и исчез в кустах. А наблюдатель сообщил снова:

— У калитки, в поле моего зрения, неизвестная девушка красивого вида стоит с кушником и покупает молоко. Это наверное хозяйка дачи.

— Это твоя сестра? — дергая Женю за рукав, спросила Коля Колокольчиков. И, не получив ответа, он важно и обижено предостерег: — Ты смотри: не вздумай ей отсюда крикнуть.

— Сиди! — выдергывая рукав, насмешливо ответил ему Женя. — Тоже ты мне начальники...

— Не лезь к ней! — подразил Геяка Колю. — А то она тебя поколоти.

— Меня? — Коля обиделся. — У нее что? Когти? А у меня — мускулатура. Вот... ручная, ножная!

— Она поколоти тебя вместе с ручью и поножу. Ребятка, осторожнее! Тимур подходит к Квасину.

Геяка выпрямился, и тяжелые кулаки его сжались.

Легко бормоча сорванной веткой, Тимур шел Квасину навстречу. Заметив его, Квасин остановился. Плоськое, насмешливое лицо его не показывало ни удивления, ни испуга.

— Здорово, комиссар! — склонив голову на бок, нетронуто сказал он. — Куда так торопишься?

— Здорово, атаман! — в тон ему ответил Тимур. — К тебе навстречу.

— Рад гостю, да угощать нечем. Разве вот это? — он сузил руку за пазуху и протянул Тимуру яблоко.

— Ворованные? — спросил Тимур, забывая и надувая щеки.

— Они самые, — объяснил Квасин. — Сорт «золотой налив». Да вот беда, нет еще настоящей спелости.

— Кислятина! — бросая яблоко, сказал Тимур. — Постулай, ты на заборе дома № 34 вот такой знак видел? — И Тимур показал на звезду, вышитую на своей синей безрукавке.

— Ну, видел, — пасторожил Квасин. — Я, брат, в днем и ночью все вижу.

— Так вот! Если ты днем или ночью еще раз такой знак где-либо увидишь, то беги прочь от этого места, как будто бы тебя кто-нибудь ошпарил!

— Ой, комиссар! Какой ты горячий! — растерянно слова, сказал Квасин. — Хватит, говорю тебе.

— Ой, атаман, — какой ты упрямый, — не выходя голоса ответил Тимур. — А теперь залюми сам и передай всей своей шайке, что этот разговор у нас с вами последний.

Никто со стороны и не подумал бы, что это разговаривают враги, а не два теплых друга...

Вернувшись на чердак, Тимур рассказал о своей встрече ребятами. Было решено завтра отравить всей шайке пыльный ульяматум. Бесшумно соскакивая ребята с чердака и через дыры в заборах, а то и прямо через заборы, разбегались по домам в разные стороны.

Тимур пошел к Жене. — Ну что? — спросил он. — Теперь тебе все понятно?

— Все, — ответила Женя, — только еще не очень. Ты объясни мне проще.

— А тогда опускайся вниз и яли за мною. Твоей сестры все равно сейчас нет дома.

Тимур выпул из ящика прожекторный металлический предмет и сузил его в карман.

Когда они спустились с чердака, Тимур повалил лестницу.

Уже стемнело. Но Женя доверчиво пошла за ним следом.

Они остановились у домика, где жила старуха хачоцица. Тимур оглулся. Людей вблизи не было. Он вынул из кармана свинцовый тобик с масляной краской и подошел к воротам, где была парвована звезда, тонкие лучи которой действительно поблещали, как пивка.

Уверенно он обрыл и выпрямил лучи.

— Скажи, зачем? — спросила его Женя. — Ты объясни мне проще: что все это значит?

Тимур сузил тобик в карман. Сорвал лист лопуха, вытер закрашенный палец и, глядя Жене в лицо, сказал:

— Это значит, что из этого дома человек ушел в Красную Армию. И с этого времени этот дом находится под нашей охраной и защитой... У тебя отец в армии?

— Да! — с возмущением и гордостью ответила Женя. — Он командир.

— Значит, и ты находишься под нашей охраной и защитой тоже.

«Грозные силы»

В этой тоненькой книжке рассказано о том, что пережил человек, которого унесла лавина, о том, как обвал разрушил кишлаки и создал новое озеро на Памире, как погиб город Помоя и Сен-Пьер, как советские люди спускались в кратер вулкана, как ураган принес солоную воду во все реки и пруды острова Мартиника и как от этого в них погибла вся рыба, а также о многих других не менее интересных вещах.

Подзаголовок книги гласит: «Рассказы о грозных явлениях природы». На самом деле содержание книги значительно шире. Д. Армад не только увлекательно описывает лавины и ураганы, землетрясения и шаводнения, но просто и понятно рассказывает о причинах, которые порождают их. Он говорит о законах образования и изменения лавин, о причинах оползней, о тектонических силах, порождающих землетрясения, о ветрах, вызывающих шаводнения, и о путях ураганов.

Автор знает свое дело не дилетантски, не из вторых или третьих рук. Подлинно научные знания Д. Армад умеет излагать увлекательно и понятно, с талантом истинного популяризатора. В этом — одно из основных достоинств книги.

Материал для своих очерков автор черпает из самых различных уголков земного шара. Перед нами читателем проходят лавины Каказа, Альп и Хибин, вулканы Камчатки, Италии, Гаваякских и Антильских островов, Ленинград и Токио, Патгония и Зондские острова, Крым и Египет.

Д. Армад широко пользуется примерами из художественной литературы. Главой о наводнениях он начинает отрывком из «Детей капитана Гранта» и далее цитирует...

Д. Армад. Грозные силы. Рассказы о грозных явлениях природы. Для младшего и среднего возраста. Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1940. Стр. 117. Тираж 25000.

«Медного всадника». Рассказывав о землетрясениях, подробно цитирует очерк Горького о месинском землетрясении, в главе об обвалах приводит пушкинское стихотворение «Обвал».

Перед автором подобной книги должно было стоять трудная задача — найти внутренний стержень, объединяющий все разнообразные и по своим причинам и по своим последствиям явления, о которых рассказывает книга.

Такой связующей нитью служит борьба человека с грозными и слепыми силами природы.

Не ограничиваясь рассказами о мужестве людей, оражавшихся с грозными силами природы, автор рассказывает о том, как человек овладевает стихией. Он говорит о Бенжамене Франклине, обладавшем молниевым, о Рауле Никте, разгадавшем тайны смерча, о неведомых китайских строителях, соорудивших плотину на Хуан-Хе, о советских инженерах, построивших сооружения, защищающие Кировск от лавин, и об их товарищах, спроектировавших для защиты Ленинграда от наводнений грандиозную дамбу в Финском заливе.

Автор хорошо оформил свою книгу. Он подобрал для нее много превосходных иллюстраций, по большей части не публиковавшихся в наших изданиях.

Один упрек следует сделать автору и замечанию: в книге всего одна карта (бассейн реки Незы). Между тем очень много очерки проигрывают из-за отсутствия карт и схем. Надо надеяться, что при переиздании этого недостатка будет устранен.

Книга, несомненно, является одной из любимых у ребят, интересующихся географией и геологией, и будет пользоваться большим спросом не только среди детей, но и взрослых читателей.

Конст. КУНИН.

ФОЛЬКЛОР ДОНА

Район донского казачества Сталинградской области посетил фольклорная экспедиция Ленинградского государственного университета. За месяц работы членами экспедиции записано 110 сказок и оговоров и около 550 донских песен.

Большое внимание было уделено советскому фольклору. Записаны песни и сказки о Сталине, Ворошилове, Буденном, о колхозной жизни и гражданской войне. Отличными гражданскими воинами, двенадцатилетней А. Н. Савиловой (по подлинному прозвищу Саша Трубка), записано свыше 50 сказок, оговоров, легенд и песен.

В своих сказках она повествует об эпизодах крепостной жизни, о жизни восточно-казачьих (тов. Савилова 40 лет работала трактористкой), о революционных 1905 и 1917 гг., в которых она принимала активное участие. Особенно обильны сказки Савиловой о гражданской войне, о встречах с товарищами Сталиным и Ворошиловым, о боевых эпизодах.

Большой интерес представляют записки донских вариантов народных драм: «Царь Максимилиан» и «Лодка». До сих пор донские народные драмы еще не публиковались. Донской вариант «Царя Максимилиана» интересен тем, что здесь сын царя Адольф преследуется отцом не за христианские убеждения, как обычно, а за атеизм.

Среди песен ценны записки о Разине, Ермаке, Петре Великом, Шамале, Игнате Нерасове, о царе Михаиле Федоровиче, о войне 1812 г.

Записанные материалы войдут в янгу «Сказки донского казачества».

В. ЕРМИЛОВ

ТРАДИЦИЯ И НОВАТОРСТВО

Трагедия новаторства — традиционная тема мирового искусства. Это — вечная миссия, потому что она вечно выдвигается жизнью.

Повесть Ю. Крымова «Танкер «Дербент» интересна, между прочим, тем, что ее тема в первой половине повести развита как будто традиционно: одинокий новатор, не признанный космосом, инертным окружением. Герой повести, Басов, беспощадно и раздражает администрацию, инженеров, техников неуклонно идущей индустриальной, постоянным творческим недоверием.

Басов теряет всех друзей. От него уходит Муса! Страстно и нежно им любимая жена уходит от него и бросает на прощанье: «Ты — неудачник, сбывай, не будешь человеком, прости!» На заводе от Басова отделивается его «снимателю», поставляет механиком на самый отсталый танкер «Дербент», команду которого наивавают не иначе, как «сбородом». Лишившись друзей, любви, любимой работы, Басов бродит ночью один по пустым улицам каменного, открытого всем ветрам города Баку и говорит себе: «Поломалась жизнь... неудачная жизнь. Неудачник!»

В Басове смутно чувствуют птицу какой-то другой породы и, не желая беспокоить себя более глубокими размышлениями, режут, что это худшая порода, гадкая («гадкий утенок»).

Кажется, что нет разницы между самочувствием Басова и самочувствием традиционного одинокого новатора: «Басов чувствовал себя так, как будто, забывая далеко вперед, он оглянулся и тут только заметил, что остался один...»

Когда Муса говорит ему: «Зачем ты вредишь себе, Саша? Нет, ты страшный, страшный! Просто чудак какой-то!» — Басов «слушал ее устало-безразлично, думая о своем. Чтобы убедить людей в своей правоте, нужно много упорства, убежденности и равнодушия к собственной судьбе. Вот — он мучил свою жену. Нетерпелив, горяч. И разве это он хочет обрести на заводе отношения с товарищами? Он даже не знает толком, как называется та правда, которая захватила его...»

«Тебе тяжело со мной?» — Вот в самом Басове и в его семейной ситуации кое-что, роднящее его с Димой, Мусой — не «попрыгунья», она — милая, совсем она женщина (ей всего двадцать лет). Она слышном верит в «автори-

тетей» — такие, как инженер Нейман, бывший друг и начальник Басова, один из тех, кого Басов раздражает. Муса еще не слишком разбирается в людях. Ей, например, даже невозможно нравиться ее «поклонник», инженер Истомин, о чьем мнении «ухаживает» Басов так отзывается после «вечеринки» в разговоре с Мусой: — Болтовня да наемки, — говорит он дружелюбно, — этот паренек говорит как-то пошловатым языком. Не нашим языком он говорит, ей-богу! Тебе не кажется? — В зеркале потягивалось и сладко зевало отражение Мусы.

— Он говорит по-русски, Саша. Разве у вас на заводе другая язык? — Она встала, сбрасывая платок: Чего ты хочешь? С ним весело, и мне хотело немного развлечься. Его не переиспытывай.

В Мусе есть и обывательские азы, и главное, по жизненной неопытности она еще не знает, что жизнь не дается «просто так», ни за что. Она хочет простых и обычных радостей, еще не зная, что радость приходит как награда, что надо пройти испытания. Муса еще не слала своего званья на человека. Но при всем том она чувствует сразу, даже когда Муса грубо и жестоко ошибается в жизни, что она может стать настоящей боевой подругой. Пройдя мучу раскаяния и стыда за разрыв с Басовым, Муса и стала настоящей советским человеком, в полном смысле этих слов. До этого она все-таки в отношении к Басову была отчасти «попрыгунья», не понимала и, в сущности, тригировала его так, как не понимала и тригировала Димову героиня чеховского рассказа.

Черты, родственные Димовой, есть и в отношении Басова к Мусе и ее «поклонникам». В поэтической атмосфере повести Ю. Крымова с ее внутренним лиризмом прохлалет волны чеховского воздуха — особенно в тех местах, которые относятся к любви Басова, Родство Басова с Димовой — это родство очень скромных людей, людей, любящих уступать, уйти в тень, не могущих уступать только в том, что прямо относится к их делу, людей с глубоким, сдержанным лиризмом, рожающим творческих, но далеких от типа «святителя», горяча — глупаря». В другой эпохе Басов был бы Димовым. Навстречу ему идет и агитатором и газетером.

После разрыва Муса и Басовым сюжет

внешне развывается тоже традиционно. Тут могут быть два традиционных варианта. Первый, наиболее распространенный, состоял бы в гибели Басова: он спивается, или — еще обыкновеннее — сам превращается в обывателя, как Прохоров из «Трех сестер», как чеховский же «Пончик».

Второй, менее распространенный, но все же традиционный вариант: «гадкий утенок» становится «лебедем», получает признание, имя, славу и возвращает себе любимую женщину. Именно «так» обстоит дело и с Басовым. Он «возвратился», его имя гремит, его портреты висят в залах, и Муса возвращается к нему и просит прощения его. Он казался Мусе «гадким и нелепым». А сейчас он — победитель.

Интересно смотреть, как «одна и та же» сюжетная схема выражает совершенно различные вещи. Сказка о гадком утенке — оживила по-новому. Оказалось, что ее мудрая правда может обнаружиться в своей позиции: «победитель» — это вовсе не действительный победитель в нашей действительности «Танкер «Дербент» и есть советская повесть о гадком утенке...»

Традиционный «победитель» был бы обязательно прогнано-оставлен серой «толпой». Его история была бы историей борьбы за карьеру, восхождения со ступеней на ступеньку. Басов, о точности зрения «карьера», идет вперед; он вовсе не борется за «победитель» и славу. Традиционный «победитель» в подавляющем большинстве случаев добивается победы ценой уступок, отказа от себя. Басов побеждает тем, что остается верен себе.

Что дает ему внутреннюю силу? Каково неосознанное, скорее, инстинктивное чувство, что жизнь за него. Непредоступность стального движения выразилась и в этой вот стихийной уверенности: тех, кто начал стальной движение, не иначе нельзя, что это так просто и ясно, стоит только объяснить, как тебя поймут и поддержат.

Оказалось, что в новой действительности одиночество новатора — это только «малый шаг жизни», и что одиночество Басова было, конечно, драматическим, но не было трагическим, т. е. безвыходным; необходимость этого одиночества не заложена в самых условиях общества, как то было прежде. Оказалось, что кроме «малого» есть еще большая «сталя жизни», единственно настоящий, широкий и могучий, и это новаторство — не одиночки, а что они-то и ведут жизнь, что создается ценный строй новаторов!

Выяснилось также любопытная вещь: Басов «обыкновеннее» человек, чем меньше он предан заботе о благополучии, тем, в конечном итоге, лучше ему жить в новой

социалистической действительности! И наоборот, чем больше человек привержен собственному спокойствию и благополучию, тем, в конечном счете, неблагоприятнее ему живется в этой действительности, с ее совсем иными, непохожими законами! Именно любовь к обывательскому спокойствию и благополучию лишила и того и другого и капитана «Дербента» Кутасова, и инженера Неймана... Трусливый мечтатель о локте, капитан Кутасов столкнулся с совершенно выходящей для него истиной: оказалось, что чем меньше человек любит работать, брать ответственность, — тем больше он рискует тем самым благополучием

Посидим в тишине?

Так называется — только без вопро- сительного знака — последняя книга таджикской детской писательницы Елены Благиной...

В книжке «Посидим в тишине» есть стихотворение «Три маленьких друга», где третий друг мысленно говорит самому себе...

И если медленно ложится На сад, на прощанье, по счастью, Снежинки вьются и кружатся...

Тема семейного уюта парилу с лириче- ским пейзажем определяет творческое лицо Елены Благиной...

Нало отметить и умение ее правильно ориентировать ребенка в мире, привлекая к нему сознание...

В тесной связи с творческим ростом Елены Благиной стоит ее переводческая работа...

При таком глубоком понимании автору необходимо в дальнейшем ввести в стихи этого типа там, где это возможно...

Преследение трудности перевода — лучший повод для молодых поэтов. И Елена Благиной не надо напоминать...

Таланту Елены Благиной разрешено этой задачи вполне по плечу. Но, чтобы разрешить ее, поэту придется...

Преследение трудности перевода — лучший повод для молодых поэтов. И Елена Благиной не надо напоминать...

Беглые заметки о С. Галкине

Имя еврейского советского поэта Самуила Галкина становится все более и более известным среди широких кругов советских читателей...

Миссия, глубоко раздумье составляют неотъемлемую принадлежность поэзии Галкина, относясь к существованию...

К. ЧУКОВСКИЙ

1 февраля 1889 г. Льва Толстого по- стелил английский отставной офицер Дж. Стюарт. Толстому он не понравился...

Вот что писал о нем Лев Николаевич в своем дневнике. Заговорил о душе. Стюарт сказал, что для него душа — это тело, ибо души не существует вне материи...

Вот что писал о нем Лев Николаевич в своем дневнике. Заговорил о душе. Стюарт сказал, что для него душа — это тело, ибо души не существует вне материи...

Вот что писал о нем Лев Николаевич в своем дневнике. Заговорил о душе. Стюарт сказал, что для него душа — это тело, ибо души не существует вне материи...

Вот что писал о нем Лев Николаевич в своем дневнике. Заговорил о душе. Стюарт сказал, что для него душа — это тело, ибо души не существует вне материи...

Где бы ни шла моя жизнь — о быть бы мне всегда в равновесии для великих случайностей...

Замечательно, что хотя Толстой в это время работал над «Крейеровой сонатой», и проблема половых отношений волновала его...

Вот что писал о нем Лев Николаевич в своем дневнике. Заговорил о душе. Стюарт сказал, что для него душа — это тело, ибо души не существует вне материи...

Вот что писал о нем Лев Николаевич в своем дневнике. Заговорил о душе. Стюарт сказал, что для него душа — это тело, ибо души не существует вне материи...

Вот что писал о нем Лев Николаевич в своем дневнике. Заговорил о душе. Стюарт сказал, что для него душа — это тело, ибо души не существует вне материи...

Государственный литературный музей выпускает в свет в ближайшее время два справочных историко-литературных издания...

Следующий очерк Т. Иванович о пребывании Лермонтова в Москве начинается эпиграфом, взятым из письма поэта к М. Лопухиной...

В 1939 году в Москве была организована выставка лермонтовских фондов московского музея...

В 1939 году в Москве была организована выставка лермонтовских фондов московского музея...

Накануне нового театрального сезона

Сейчас еще рано говорить о всей драматургической продукции, подготовленной к сезону. Многие новые пьесы написаны на всевозможных конкурсах. Десятки, из которых пьесы представляются на конкурсе, будут рассмотрены только в середине ноября, когда выйдут результаты конкурса.

Однако и в последнее время в портфолио театров уже немало новых пьес, представленных в постановках. С ними зритель познакомиться в начале наступающего сезона.

Некоторые из этих пьес еще до своего успешного воплощения успели стать «фаворитами». За ними охотятся театры, и даже в Москве на их постановку шлет телеграммы не один, а два-три театра.

Большой спрос предъявляют театры на пьесу «Золото» А. Филимонова и В. Давыдова. В пьесе изображается колоссальная армия золотодобытчиков. Один из авторов пьесы В. Давыдов — инженер, работающий в золотопромышленности, хорошо знающий среду старателей.

В пьесах, пользующихся большим спросом, преобладают также новая пьеса С. Герасимова «Строить времена» и «20 лет спустя» М. Савлова. Новую пьесу М. Савлова ставит театр им. Ермоловой и Московский театр для детей. Пьеса С. Герасимова пойдет в Театре революции.

Среди написанных и принятых театрами пьес — большое число пьес о личных, семейных и бытовых конфликтах. В них относятся «Обыкновенная история» К. Симонова, которую ставит театр Ленинского комсомола, и пьеса М. Бозакова «Когда я один», принятая в постановке в ряде театров. Она пойдет в театре им. А. С. Пушкина в Ленинграде, в театре Моссовета, в Харьковском театре русской драмы.

Неважно обстоит в новом сезоне с комедиями. Этот жанр представлен пока двумя произведениями: «Первый брак» Бр. Тур и «Юмюк» В. Катаева.

В ряде периферийных театров подготовляются постановки новых пьес местных авторов. В Свердловском драматическом театре пойдет пьеса А. Савчука «Семья Гончаровых» из эпохи гражданской войны на Урале. В Олонецком театре намечена постановка инсценировки романа Пасюна-Алейхана «Кривая шутка», сделанная А. Гринном. В некоторых периферийных театрах Красной Армии предполагается поставить новую пьесу И. Прута «Два вояхи». Из новых постановок национальных театров выделяется пьеса Н. Иванова «Ходжа Нареддин», принятая к постановке Татарским академическим государственным театром драмы.

В Ленинградском театре имени М. Горького в постановке пьесы С. Герасимова «Строить времена» и «20 лет спустя» М. Савлова. Новую пьесу М. Савлова ставит театр им. Ермоловой и Московский театр для детей. Пьеса С. Герасимова пойдет в Театре революции.

В ряде периферийных театров подготовляются постановки новых пьес местных авторов. В Свердловском драматическом театре пойдет пьеса А. Савчука «Семья Гончаровых» из эпохи гражданской войны на Урале. В Олонецком театре намечена постановка инсценировки романа Пасюна-Алейхана «Кривая шутка», сделанная А. Гринном. В некоторых периферийных театрах Красной Армии предполагается поставить новую пьесу И. Прута «Два вояхи». Из новых постановок национальных театров выделяется пьеса Н. Иванова «Ходжа Нареддин», принятая к постановке Татарским академическим государственным театром драмы.

Графики Львова

Во Львове открыта большая выставка графики. Это уже вторая выставка львовских художников за время, минувшее с 17 сентября прошлого года. Первая, посвященная живописи и скульптуре, состоялась еще зимой. Она показала довольно высокий технический уровень художников бывшей Западной Украины, но вместе с тем продемонстрировала узость тематики, оторванность художников от жизни. Выставка поражала мрачным колоритом подавляющего большинства работ, уродливой схематичностью. Исключения составляли лишь работы старого украинского художника Новокосого и его учеников. Выставка графики размещалась в тех же просторных залах Оргкомитета художников в Львове.

Точно так же, как и живописцы, графики выставки преимущественно старые свои работы. Но разница между этими выставками есть. Графики довольно сурово пересмотрели свои старые работы, отобрать наиболее близкое к тематике сегодняшнему львовскому зрителю. Кроме того, на выставке можно увидеть и новые работы на темы, рожденные творческими напряжением и радостью жизни. Мощный поток социалистического преобразования всей жизни вылился в области Украинской ССР уже захватил художников Львова.

Кто же из львовских графиков больше всего привлекает к себе внимание? Подолгу задерживаются посетители возле лирических офортов и графиков на дереве Олены Кульчицкой, изображающих Карпаты, был гуцулом. Интересны посвященные Львову рисунки гуцула и карацана Ивана Иванца. Между прочим, чуть ли не все львовские графики любят изображать свой старинный город: каждый из них выставил одну или две работы, посвященные узким львовским улицам, их своеобразный быт, старинные памятники и архитектуру. Сильным мастером в области графики на дереве показал себя Владимир Балаж, с фламандской чуждостью изображающий сельские ярыжки и торги. Хороши пейзажи Юрия Гавелия, посвященные Карпатам и окрестностям Львова. Софья Ябус выставляла целое собрание интересных задушевных и своеобразно исполненных акварелей. Следует еще отметить автопортреты Казимира Сихульского, графики на дереве Владимира Фларинского, пейзаж и автопортрет В. Лавского, импрессионистические пейзажи Леопольда Бучковского. Юр. ШОВКОПЛАС

В Театре сатиры, поэмы «Нравного брака», намечена к постановке пьеса К. Крылина — «Бюро счастья», написанная Г. Рыштина.

Интересные новые постановки предстоят в московских детских театрах. В Центральном детском театре предполагается постановка трех одноактных сказок С. Маршак и новой пьесы А. Барто и Р. Зеленой — «Два или опасное знакомство». В МТЮЗ прививает к постановке сказка А. Самукова «Чудесный мастер», являющаяся переработкой прозаического варианта того же автора — «Большое зеркало».

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Каждый день в Ленинграде раскрываются новые афиши, посвященные об открытии сезона в одном, то в другом театре.

Каковы перспективы театрального сезона 1940—1941 года? С этим вопросом наш корреспондент обратился к упомянутому Комитету по делам искусств при СНК СССР в Ленинграде и начальнику Управления по делам искусств при Ленсовете т. В. И. Загурскому.

— Прошлый сезон, — сказал нам т. Загурская, — закончился для театров Ленинграда большим и радостным праздником — показом ленинградского искусства в Москве.

Новый сезон ленинградские театры начинают в новых условиях, без пресловутых «годовых мест» и других «мероприятий», позволяющих театральным предприятиям игнорировать интерес зрителя, не заботиться о выполнении производственно-творческих планов и т. д. В первой половине сезона 1940—1941 г. они только театры, находящиеся в ведении Ленсовета (т. е. не считая театров всевозможного значения: театра оперы и балета им. С. М. Кирова, Малого оперного театра и театра драмы им. А. С. Пушкина), будут иметь в своем репертуаре 32 новых спектакля.

Что же покажут ленинградские театры до 1 января 1941 года? Начнем с одного из наших самых популярных театров — театра оперы и балета им. С. М. Кирова. Здесь предстоят две оперные премьеры: «Чародейка» Чай-

Робкий смех

Что за чудесное, врасплох заставившее искусство — оперетта! Веселое, приторное, оно вместе с лирикой «гру-де-ля» являет и мимовестия притчи, но невольно его склоняет к легкой обманке и тут же расцвет в шумном смехе, в неистовости радости. Театры наши болтают бесхитростно веселье, трюмы, ушасы, не вызывают полорожения в легковесности, и играют комедии с липовым постигом. Они, как та степенная голубая дама, которая считала, что смех несомненно с возмущенностью чувств. Оперетта робко приталилась где-то между комической оперой и музыкальной комедией. И театры преимущественно именуют себя не театрами оперетты, а театрами музыкальной комедии.

В Москве выступает Ленинградский театр музыкальной комедии. У театра широкие признание и зрители. Он играет Остера, Оффенбаха, Лягера, Кальманов и соловьевского композитора. Кака. Играть под большой и звучный оркестр. Спектакли проходят с успехом. Наибольший интерес вызывает «Сильва». Да, та самая «Сильва». Она давно снова вышла в свет, но у нее уже есть свой предания, Ленинградцы ходят ути от них и ставят «Сильву» по-новому. Прежде всего меняют текст. Раньше пели — «Как улыбалась нам счастье», теперь — «Счастье, мелькнувшее мимо», раньше были «красотки кабарэ», теперь «О, авелды варьете». Это дань благодарности. От него горше всего пришлось самой Сильве.

Кто не помнит ее арии: «Частичка чорта в нас заключена подчас!» Сильва вскакивала на стол и пела выходящая, о горделивой осынок, как насмешилась восты-теться, уверившая в спонх чорта. Она была привлекательной королевой балета, неострашимой и авантюристой, и пела, как в чаду, в чаду веселья и страсти. Он окутывал ее себя. Сейчас она прояснилась, но стала какой-то античной и бурлящей. Сильва попрощею выйдя на стол, но в ее пении нет былой эффектности и блеска. Рядом выступиле за ужином с друзьями. И поет она уже не о себе, а о них: «Частичка чорта в нас...» И подлинно, в этой женщине уже нет задушевной частички чорта. А почему нужно было ее стыдиться, если от нее вся пыльность и волнение оперетты?

Колесникова — хорошая певица, но ее Сильва нехватает огня, представительности и аллюбо героини. Она больше «касаданная». В других ролях Колесникова радует и восхищает своим дарованием. В «На частина чорта» и «Черном домино» она тоже поет и играет на столе и насколько это у нее выходит живое и элитанное, чем «Сильва». На месте она в «Фаваре», и особенно в «Черном домино», очаровательной оперетте о затейливой скрибовской интригой. Спектакль поставлен (режиссер Соловьев, художник Вруни) стильно, но скучно, но как быть, если в нем, кроме Колесниковой, комуку петь? Его воспринимайте, скорее, как упрям соседку Ленинградской музыкальной комедии — Малому оперному театру, забывшим об Остере и вообще о комической опере.

В «Сильве» крепко сообрая мелодрама. Надо к ней прислушаться. Смотря и слушая «Сильву», можно почувствовать, разстрогае, возгустить, возгустить недоволю, но остаться безучастной, недовольно-ракеткой. Сильва притупила и смысла все краски. Прелестные пелы: «Любовь такая — глупость большая, любить ведь так возможно только в варьете». Сейчас на сцене нет варьете и мало любви, мало боикх опереточных глупостей, которые если и стыдно сказать, то можно всегда спеть и слышать. Теперь поют «любить так глупо и счастье скучно», и это уже не по-опереточному, а в самом деле. Театр скуч в чувствах и забавах. Он обделил даже шуструю пару «простак-субретка», у которой наследственное право на оверто и шутку. Свицдерский и Таганская играют не во всю силу своего опереточного дара. «Сильва», говорят, обязательного дара. «Сильва», говорят, обязательного дара. «Сильва», говорят, обязательного дара. «Сильва», говорят, обязательного дара.

В «Веселой вдове» качели. Сверкающие, нарядные, они тихо и плавно качались и под конец ошеломляюще вылетали над партером, ввергаясь в тему авороженного облака тыстами разноцветных отней. Музыка в «Качелях» писал не Лягера, а Голдшер, но это никого не смущало. Песня о качелях вошла в обиход и сиякала известность никак не меньшею, чем, скажем, легендарные мотивы «Изучить мильны дам тайский труд», или «Пошла к Максиму». Вставной номер прижился в спектакле, и его не к чему изымать. Ведь у оперетты, кроме той традиции, что она есть, есть еще традиция являвая, артистичная. В ней много притворений по чистому изначалу своим автоматизмом и безносью. Оперетты многим облава площадному театру. Она вляла у него фортели, отсбещивала клоунаду, вкус к импронвациям и трансформации.

Привычка может вырождаться в штампы, но, по сути дела, штампы и привычки — вещи разные. Сейчас, например, в моде тонение на опереточные маски. Их веде и векуд труппирова, как будто от них идет все это. В основе искусства лежит первоупощение, а маски явобя тянут к аттракциону, ведут к повторности и однообразию. Ну, а как жад быть с театром ленинградским «Комедии масок»? Нужнее ли это? Или нехотело раньше и что пришло сейчас. Не хватало простора, воздуха, но вот пришло ощущение жапра, легкомысленного и безрасудного. Да, безрасудного, если это слово нужно для того, чтобы уберечь оперетту от глубоких мотивировок и трезвой осмысленности.

Най, кетати, строится интрига «Юстин Фарар». В спектакле ленинградский (режиссер Вилер, декорации Акимова) есть выдумка, но она как-то астемичная и серьезная, слишком серьезная. А ведь на сцене не просто театр, но и игра в театр. Только в конце спектакля берет свое. Актер словно подхлестнули события, нечелные и задорные. Тут и притворство, и похипение, и боения, и народный представление для отвода глаз, словом, — всякие недоразумения. В их толще и путанице люди ведут себе по-другому. Они точно помолодели, развлекаются сами и развлекают других, одурячивают друг друга, беззаводо улучало своим автоматизмом и белносью. Оперетты многим облава площадному театру. Она вляла у него фортели, отсбещивала клоунаду, вкус к импронвациям и трансформации.

Спектакли ленинградского театра идут порой заткнуто, не в темпе, но слаженно, често, без тех небрежностей и накладок, что в оперетте почитаются неизбежными. Нельзя отделиться от впечатления, что спектакли эти — результат кропотливой, старательной, культурной, как принято говорить, работы. Но что такое культура? Азбука сценической добротности или тонкая грамматика жанра с его непрямым, ленивым подлинностью пения и игры? Если второе, то еще не все ладно, актеры пока не слыхали блеск и пугу, и он потерял свою хмельную, живительную силу. Вот они — «шпыль просвещения!». Девочку убрала, а дорога не внесла. Культура отчисления, а не культура приобретения. Оперетта быта, как негитной, шланяной, бунтующей, деривкой, а стала добродетельной, корректной и скучной. А что может быть страшнее скучи? Смех — главное оружие оперетты. Пусть комедия полагать жанр, — возмущает это. На программках «Сильва» написано: Музыкальная комедия. Пусть на оперетта, а комедия. На спектакле же дело в голову определение комедии, какое было во времена Данте: среднее между идиллией и трагедией. В антрактах недоумевали: «Трагедия...» Гастроли ленинградцев вызвали общие расчувствения о судьбе жанра. Скоро предстоит конференция об оперетте, и там надо будет поговорить серьезно о несерьезном, но важных жанрах.

Сервант, написавший пьесы, сразу падает на землю, чтобы Юстина успела бе-

17 сентября — годовщина освобождения Западной Белоруссии от панского ига. К этой дате Институт истории Академии наук БССР готовит выпуск сборника народного творчества. На снимке (слева направо): участники экспедиции по сбору материала для сборника — научный сотрудник А. К. КАЛЕЧИЦ, старший научный сотрудник И. А. СЕРЕБРЯНИЙ и заведующий секцией этнографии и фольклора М. Я. ГРИНДЛАТ.

А. РОСКИН

«ЗЕЛЕННЫЙ ФУРГОН»

Когда в одной из книжек альманаха «Год XXI» появилась повесть А. Козачинского «Зеленый фургон», она многих порадовала своей привлекательной талантливостью. Автор этой повести запомнился, о нем заговорили, как о новом интересном авторе, у Козачинского появились свои читатели, то-есть люди, которым хотелось бы прочесть еще какую-нибудь его вещь.

Сейчас «Зеленый фургон» вместе с несколькими другими произведениями А. Козачинского издан отдельной книжкой. Отдельная книжка — это несомненное испытание. В журнале или в альманахе вещь может быть хороша не только сама по себе, но и тем, что она на месте. Отдельная книжка нового автора появляется в свет одинокой, места у нее никакого нет, за него есть надо бороться.

И вот перечитывая повесть А. Козачинского, и хочется проверить первое впечатление от нее. А Козачинский печатался и раньше, до того, как написал «Зеленый фургон». Все же «Зеленый фургон» в какой-то мере является для А. Козачинского дебютной вещью. И как вещь дебютная «Зеленый фургон» выделяется прежде всего стилистической выработанностью, чистотой отделеки, точностью и уверенностью приемов.

Перед нами произведение автора, не только готового инстинктивно подчиниться требованиям своего литературного вкуса, но, видимо, склонного придавать этим требованиям характер художественных правил.

Является ли такая осознанность вкуса преждевременной? Правда, от дебютных вещей здесь некоторой «взрослости» литературы — не гостиня, в нее можно входить, опирающаяся и ломая вещи. Козачинский очень вежлив. Эта вежливость придает его повести несколько главнейший характер. Но ведь нельзя же клясть и неразборчивый потерк возводить в обязательные признаки «правильного» дебюта! Какая широкая дорога в литературу открывается бездарности, если бы какой-нибудь литератор в состоянии крайней теоретической запятой «точно» установил, как надо дебютировать!

Не будем поэтому и Козачинскому вступать ту страдную мысль, что он дебютировал «неправильно», написав свой «Зеленый фургон» слишком тщательно и отделанно.

Вот если бы за этой тщательностью скрывалась пустота содержания, равнодушное и потому именно особенно терпеливое «делание вещей», тогда эти упреки были бы вполне обоснованы. Но «Зеленый фургон» — не только хорошо окрашенная проза. Рассказывая замечательный случай из жизни гимназиста Володи Патрикеева, сделавшегося работником уголовного розыска, Козачинский внутренне расширяет рамки сюжета. Он переносит нас в эпоху

первых лет революции, с наблюдательностью и юмором рисует украинские села, местечки, базары, шляхи, большой южный город, живописно и занимательно воссоздав колорит места и оттонок времени.

Три с лишним года Одессу окружала линия фронта. Фронт стал географическим понятием. Казалось знакомым и естественным, что где-то к северу от Одессы существует степь, леса Подолья, юго-западная железная дорога, станция Раздельная и станция Перекрестное, река Днепр, река Буг и — фронт. Фронт мог быть к северу от Раздельной или к югу от нее, под Бирзулой или за Бирзулой, но он был всегда!

В один из таких периодов полевой Одессы владела войско украинской директории и полевой — добровольческая армия генерала Деникина.

Граншей добровольческой зоны была Ланжероновская улица, граничив петляровской — параллельная ей Дерибасовская. Рубежи враждующих государственных образований были обозначены шпалотом, протянутым поперек улиц. Квадрат между Ланжероновской и Дерибасовской, бывший между двух натанутых шпалотом, назывался нейтральной зоной и не имел государственного строя.

За веревочками стояли пулеметы и трехдюймовки, направленные друг на друга прямой наводкой.

Чтобы перейти из зоны в зону, одеситам, продвигавшие жизнь мирной гражданской жизни, забирали ноги и переступали через веревочки, стараясь лишь не попадать под дува орудий...

Своеобразные черты этой эпохи и составляли фон повести, вернее — не фон, а основу ее ткань, ибо именно атмосфера времени, особенности быта, а не герой и его судьба более всего занимают автора в «Зеленом фургоне». Козачинский умеет воскресить забытые и удивительные исторические подробности. Когда Козачинский описывает «первый базар», с торговой из-под поля, веншиками нашивки, конфискации и неожиданной стрельбы, или обясняет, что его героя привлекло зайти в бричке, ибо «в бричке слышно отственные работнички», или рассказывает, каким мастером дивлялись в ту пору селе, купцы и багатулы по ночным дорогам — во всем этом ощущается ту живую память и реальное знание предмета описания, которые дают автору нужную свободу воображения.

«Зеленый фургон» — вещь своеобразная по жанру: юмористическая повесть, приключенческая повесть и мемуары слились в этом произведении в нечто вполне новое. Исключение составляет обрамление «Зеленом фургоне» пролог и эпилог. В них чувствуется стремление автора снять с себя долю авторской ответственности и возложить ее на автора Владимира Степановича Бойченко, от чьего лица ведется основной рассказ. Но как только читатель узнаывает это стремление, он сейчас же начинает ему сопротивляться — как бы в отместку за провинчившего ав-

ром робость. К тому же для самого себя и для доктора Бойченко Козачинский не нашел различных стилистических оттонок; и обрамление рассказа, и самый рассказ написаны совершенно в одной тональности. Именно из-за этой неаккуратной схожести пролог и эпилог отключаются от основного произведения.

Этот, казалось бы, не столь значительный стилистический промах влетает за собой довольно серьезные последствия: пропадает весь специальный эффект «узнавания» доктора Бойченко. Козачинскому хочется, чтобы по «всем глазам цвета ячменного пива» читатель в тихом и скромном докторе Бойченко непременно узнал бывшего бандита, того самого «Красавчика», за которым так интересно гнался герой повести Володя Патрикеев. Но раз читатель весь эпизод ощущает лишь, как прозаический доводок к повести, он не очень охотно верит автору и не придает серьезного значения его намекам. «Красавчик» для него так и остается бандитом, который отнюдь не исправился и не переквалился уж, конечно, никак не превратился в доктора Бойченко. Да и что толку в том, если «Красавчик» исправился только в порядке фантасма «сожженного золота»? Есть ли расчет большие, серьезные явления жизни сводить к этим самым «ходам»? Исправился под конец своего «Красавчика», Козачинский испортил конец своей повести.

Но это — частный недостаток. Здесь Козачинский слово не решился обойти без различных иретенций. Он захотел приложить новости дополнительныи след, на который он не имел права. Ведь тем «Зеленый фургон» и признан, что нет в нем ложных претензий на значительность, что Козачинский счел возможным обойтись без напрасно нахмуренного чела и умничания, доводного иной раз до суророк.

И вот здесь хочется сказать следующее. Конечно, очень правильно, когда автор скромно и разумно ограничивает себя определенными сферами, не выходя свое милое и интересное произведение непременно за «полюсы». Но скромность хороша только тогда, когда вместе с нею автор не переставая выдвигается вперед по направлению к цели, все более и более трудным. И очень плохо, когда на пути этой скромности начинается повторение самого себя, все более легкое и самоуверенное. Тогда скромность превращается в противоположное ей самолюбование. И настоящему творчеству здесь — конец.

У меня нет никаких оснований подозревать Козачинского в желании остаться за пределами литературы, рассказывающей разнимательные вещи и знать не знаящим, что это такое за «полюсы» и «проблемы». Но мне кажется, что «Зеленый фургон», несмотря на свои приятные литературные достоинства, принадлежит к числу тех удачных дебютных произведений, от которых их авторам следует возможно энергичнее вытаскивать в каком-то новом направлении.

Графики Львова

Во Львове открыта большая выставка графики. Это уже вторая выставка львовских художников за время, минувшее с 17 сентября прошлого года. Первая, посвященная живописи и скульптуре, состоялась еще зимой. Она показала довольно высокий технический уровень художников бывшей Западной Украины, но вместе с тем продемонстрировала узость тематики, оторванность художников от жизни. Выставка поражала мрачным колоритом подавляющего большинства работ, уродливой схематичностью. Исключения составляли лишь работы старого украинского художника Новокосого и его учеников. Выставка графики размещалась в тех же просторных залах Оргкомитета художников в Львове.

Точно так же, как и живописцы, графики выставки преимущественно старые свои работы. Но разница между этими выставками есть. Графики довольно сурово пересмотрели свои старые работы, отобрать наиболее близкое к тематике сегодняшнему львовскому зрителю. Кроме того, на выставке можно увидеть и новые работы на темы, рожденные творческими напряжением и радостью жизни. Мощный поток социалистического преобразования всей жизни вылился в области Украинской ССР уже захватил художников Львова.

Кто же из львовских графиков больше всего привлекает к себе внимание? Подолгу задерживаются посетители возле лирических офортов и графиков на дереве Олены Кульчицкой, изображающих Карпаты, был гуцулом. Интересны посвященные Львову рисунки гуцула и карацана Ивана Иванца. Между прочим, чуть ли не все львовские графики любят изображать свой старинный город: каждый из них выставил одну или две работы, посвященные узким львовским улицам, их своеобразный быт, старинные памятники и архитектуру. Сильным мастером в области графики на дереве показал себя Владимир Балаж, с фламандской чуждостью изображающий сельские ярыжки и торги. Хороши пейзажи Юрия Гавелия, посвященные Карпатам и окрестностям Львова. Софья Ябус выставляла целое собрание интересных задушевных и своеобразно исполненных акварелей. Следует еще отметить автопортреты Казимира Сихульского, графики на дереве Владимира Фларинского, пейзаж и автопортрет В. Лавского, импрессионистические пейзажи Леопольда Бучковского. Юр. ШОВКОПЛАС

В Театре сатиры, поэмы «Нравного брака», намечена к постановке пьеса К. Крылина — «Бюро счастья», написанная Г. Рыштина.

Интересные новые постановки предстоят в московских детских театрах. В Центральном детском театре предполагается постановка трех одноактных сказок С. Маршак и новой пьесы А. Барто и Р. Зеленой — «Два или опасное знакомство». В МТЮЗ прививает к постановке сказка А. Самукова «Чудесный мастер», являющаяся переработкой прозаического варианта того же автора — «Большое зеркало».

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Каждый день в Ленинграде раскрываются новые афиши, посвященные об открытии сезона в одном, то в другом театре.

Каковы перспективы театрального сезона 1940—1941 года? С этим вопросом наш корреспондент обратился к упомянутому Комитету по делам искусств при СНК СССР в Ленинграде и начальнику Управления по делам искусств при Ленсовете т. В. И. Загурскому.

— Прошлый сезон, — сказал нам т. Загурская, — закончился для театров Ленинграда большим и радостным праздником — показом ленинградского искусства в Москве.

Новый сезон ленинградские театры начинают в новых условиях, без пресловутых «годовых мест» и других «мероприятий», позволяющих театральным предприятиям игнорировать интерес зрителя, не заботиться о выполнении производственно-творческих планов и т. д. В первой половине сезона 1940—1941 г. они только театры, находящиеся в ведении Ленсовета (т. е. не считая театров всевозможного значения: театра оперы и балета им. С. М. Кирова, Малого оперного театра и театра драмы им. А. С. Пушкина), будут иметь в своем репертуаре 32 новых спектакля.

Что же покажут ленинградские театры до 1 января 1941 года? Начнем с одного из наших самых популярных театров — театра оперы и балета им. С. М. Кирова. Здесь предстоят две оперные премьеры: «Чародейка» Чай-

Возможно, что такое желание видеть Козачинского скорее обогнающим свой «Зеленый фургон» рождается потому, что в этой вещи к необходимой поэтической любви автора к материалу примешивается лишний оттонок пристрастия, узкой привязанности к атому материалу.

Возможно также, что дело здесь и в недостатке темперамента, непосредственности чувства, как бы притупленного плотным литературным одеялом. Вместе с «Зеленым фургоном» в книге помещены четыре небольших рассказа, объединенных общей темой и общим героем. Это — рассказы о нашей авиации, ее машинах и людях. По своему жанру они напоминают новеллы Джими Коллинза. Но в книжке Коллинза при всем ее юморе и склонности автора к румянному, с хрустящей корочкой анекдоту, заключает в себе большую и глубокую грусть. И совсем не потому только, что Коллинз пророчески описал собственную трагическую гибель. Книга Коллинза была бы грустной и без этой пророческой новеллы и без трагического конца ее автора. Она грустна, ибо тема у нее одна — одиночество. Есть дружба, правая товарищеская, профессиональная этика, есть удивительно обильные вкусы и наклонности, но в конце концов все это оказывается страшными пустяками, и человек — один, один, один. И прекрасная расположенность Коллинза-писателя к людям лишь оттеняет это одиночество, от которого он смог избавиться только напынем с высоты в 10,000 футов.

Рассказы Козачинского о советском летчике Чулокве оптимистичны потому, что молодость и зрелость их героя совершенно неотделимы от молодости и зрелости всей страны и ее технического развития.

И в этих рассказах Козачинский проявляет знакомое уже по «Зеленому фургону» достоинство — точность, наблюдательность, юмор и чувство времени. Вот, например, строки из рассказа «Пилот и автомат», проникнутые этим чувством времени:

«Вару ему захотелось чихнуть. По старой привычке он паники ажочку на верхушку губы, и желание чихнуть немедленно прошло. Он вспомнил, что этот способ избрели первые авиаторы. Аэропланы были настолько неустойчивы в воздухе, что неосторожным чиханием их можно было опрокинуть. Это воспоминание доставило ему удовольствие. В то же время оно вызвало из подсознания какое-то давно забытое, безвозвратно утраченное ощущение, неясное, как призраки. Событие, не самое ощущение, а воспоминание о нем. Он давал с трудом вспомнил, что это такое. А когда-то оно ни на минуту не оставало тех, кто поднимался в воздух. Что это было? Ощущение опасности, боязни упасть на землю...»

Таких отдельных интересных штрихов в авиационных рассказах Козачинского немало. Однако в целом они кажутся зловещим из неаккуратного еще цикла или же набросками к будущему более обширному произведению.

В. ПОТАПОВ

Робкий смех

Что за чудесное, врасплох заставившее искусство — оперетта! Веселое, приторное, оно вместе с лирикой «гру-де-ля» являет и мимовестия притчи, но невольно его склоняет к легкой обманке и тут же расцвет в шумном смехе, в неистовости радости. Театры наши болтают бесхитростно веселье, трюмы, ушасы, не вызывают полорожения в легковесности, и играют комедии с липовым постигом. Они, как та степенная голубая дама, которая считала, что смех несомненно с возмущенностью чувств. Оперетта робко приталилась где-то между комической оперой и музыкальной комедией. И театры преимущественно именуют себя не театрами оперетты, а театрами музыкальной комедии.

В Москве выступает Ленинградский театр музыкальной комедии. У театра широкие признание и зрители. Он играет Остера, Оффенбаха, Лягера, Кальманов и соловьевского композитора. Кака. Играть под большой и звучный оркестр. Спектакли проходят с успехом. Наибольший интерес вызывает «Сильва». Да, та самая «Сильва». Она давно снова вышла в свет, но у нее уже есть свой предания, Ленинградцы ходят ути от них и ставят «Сильву» по-новому. Прежде всего меняют текст. Раньше пели — «Как улыбалась нам счастье», теперь — «Счастье, мелькнувшее мимо», раньше были «красотки кабарэ», теперь «О, авелды варьете». Это дань благодарности. От него горше всего пришлось самой Сильве.

Кто не помнит ее арии: «Частичка чорта в нас заключена подчас!» Сильва вскакивала на стол и пела выходящая, о горделивой осынок, как насмешилась восты-теться, уверившая в спонх чорта. Она была привлекательной королевой балета, неострашимой и авантюристой, и пела, как в чаду, в чаду веселья и страсти. Он окутывал ее себя. Сейчас она прояснилась, но стала какой-то античной и бурлящей. Сильва попрощею выйдя на стол, но в ее пении нет былой эффектности и блеска. Рядом выступиле за ужином с друзьями. И поет она уже не о себе, а о них: «Частичка чорта в нас...» И подлинно, в этой женщине уже нет задушевной частички чорта. А почему нужно было ее стыдиться, если от нее вся пыльность и волнение оперетты?

Колесникова — хорошая певица, но ее Сильва нехватает огня, представительности и аллюбо героини. Она больше «касаданная». В других ролях Колесникова радует и восхищает своим дарованием. В «На частина чорта» и «Черном домино» она тоже поет и играет на столе и насколько это у нее выходит живое и элитанное, чем «Сильва». На месте она в «Фаваре», и особенно в «Черном домино», очаровательной оперетте о затейливой скрибовской интригой. Спектакль поставлен (режиссер Соловьев, художник Вруни) стильно, но скучно, но как быть, если в нем, кроме Колесниковой, комуку петь? Его воспринимайте, скорее, как упрям соседку Ленинградской музыкальной комедии — Малому оперному театру, забывшим об Остере и вообще о комической опере.

В «Сильве» крепко сообрая мелодрама. Надо к ней прислушаться. Смотря и слушая «Сильву», можно почувствовать, разстрогае, возгустить, возгустить недоволю, но остаться безучастной, недовольно-ракеткой. Сильва притупила и смысла все краски. Прелестные пелы: «Любовь такая — глупость большая, любить ведь так возможно только в варьете». Сейчас на сцене нет варьете и мало любви, мало боикх опереточных глупостей, которые если и стыдно сказать, то можно всегда спеть и слышать. Теперь поют «любить так глупо и счастье скучно», и это уже не по-опереточному, а в самом деле. Театр скуч в чувствах и забавах. Он обделил даже шуструю пару «простак-субретка», у которой наследственное право на оверто и шутку. Свицдерский и Таганская играют не во всю силу своего опереточного дара. «Сильва», говорят, обязательного дара. «Сильва», говорят, обязательного дара. «Сильва», говорят, обязательного дара.

